

РАССУЖДАТЬ И ПОВИНОВАТЬСЯ: НЕГАТИВНЫЙ УТОПИЗМ ЗРЕЛОГО МОДЕРНА

Екадумов Андрей Иванович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В обществе риска, на фоне борьбы с антиутопическими сценариями будущего и по итогам постмодернистской критики метанарратива, позитивный социальный проективизм Просвещения уступает специфическому, негативистскому утопизму сопротивления дистопии. Фундаменталистские идеологии предлагают претендующий на всеобщность образ будущего, перехватывая позитивную футуристическую повестку у культур зрелого модерна. Однако в обществах зрелого модерна позитивная утопия не изживается, но диверсифицируется. Социодинамика организуется не политически репрезентированным универсалистским проективизмом, а прогрессом технонауки, в обход очевидных идеологических репрезентаций. Универсалистские интенции в культуре зрелого модерна утверждаются не продуцированием монологического метанарратива, но благодаря тотализации праксиса, фундированного воспроизводством технонауки, агрегирующей малые нарративы и селектирующей сценарии будущего без артикуляции исторического идеала.

Ключевые слова: модерн; модернизм; постмодернизм; утопия; идеология; общество риска, технонаука.

TO REASON AND OBEY: NEGATIVE UTOPIANISM OF MATURE MODERNITY

Ekadumov Andrew Ivanovich

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
and Methodology of Science,
Belarusian State University

Abstract. In the risk society, against the background of the struggle against dystopian scenarios of the future and as a result of the postmodern critique of the metanarrative, the positive social projectivism of the Enlightenment yields to a specific, negativist utopianism of resistance to dystopia. Fundamentalist ideologies offer a claimed universal image of the future, intercepting the positive futurist agenda of mature modern cultures. However, in the societies of mature modernity, positive utopia does not become obsolete, but diversifies. Sociodynamics is organized not by politically represented universalist projectivism, but by the progress of technoscience, bypassing obvious ideological representations. Universalist intentions in the

culture of mature modernity are established not by the production of monological metanarrative, but through the totalization of praxis, funded by the reproduction of technoscience, which aggregates small narratives and selects scenarios of the future without articulating the historical ideal.

Keywords: modernity; modernism; postmodernism; utopia; ideology; risk society; technoscience.

Развитое индустриальное общество, опосредовав взаимодействие с природной средой системой технологий, достигло исторически беспрецедентного благосостояния, однако стало источником собственных рисков. В силу чего позитивные основания солидарности ради лучшей жизни уступили негативным основаниям: интенциям на предотвращение наихудших сценариев экосоциальной динамики и персональных биографий [1].

Утопическое мышление, питавшее просветительские образы будущего, в контексте подобной переориентации, с достижения блага на предотвращение зла, претерпевает трансформацию. Позитивный утопизм прогресса вытесняется негативным утопизмом профилактики антиутопий.

Утопизм, как принцип концептуального оформления темпорализованного современного мировосприятия, имманентен техногенному обществу. Идея прогресса выступает конституирующей для его социокультурной динамики. Теоретическая критика мировоззренческих постулатов модерна постмодернистской философией не получила продолжения в институционально-технологическом воплощении постмодернистской социокультурной альтернативы за отсутствием таковой. Постмодернизм проблематизировал утопию в современной культуре, организованной вокруг утопии. Негативная диалектика постмодернизма, в границах совокупного универсума постмодернистских языковых игр, упразднила всякую претензию на онтологически гарантированную универсальность онтологий. Темпорализованная социальная онтология модерна, в рамках постмодернистского дискурса, обрела статус, равноценный относительно всех прочих.

Однако в институционально-технологическом измерении прогрессистская идеология модерна продолжила триумфальное шествие в качестве идеологии опредмеченной – производной от западноевропейского естествознания технауки, определяющей динамику глобального мира. Наука, учрежденная на метатеоретических основаниях античного рационализма и философии модерна, и технаука, как продукт ее сращения

с рационально организованным инновационным производством, продолжает определять социокультурное развитие: не соответственно идеям предустановленной гармонии и баланса сил, характерным для домодерных культур, но в согласии с модерным принципом созидательного разрушения. И, вместе с тем, в сфере политики и права, сфере агрегации ценностно-целевых предпочтений социальных акторов, просвещенческий утопизм, скорее, испытывает специфический мультикультуралистский кризис. Подрыв моноонтологии, легитимирующей социальные практики и картины мира истиной о бытии, самоочевидной для ее адепта, осуществлялся с эпохи перехода от мифа к логосу до торжества иронического постмодернистского скепсиса.

Интеллектуальные истоки постмодернизма содержатся в истоках модерна. Критическая установка, философское подозрение к очевидностям здравого смысла, реализовались уже в античной философии. Но из принципов теоретизирования узкого круга интеллектуалов в определяющую интенцию мышления они оформляются Просвещением. Эта интенция выражена И. Кантом в его ответе на вопрос, что такое Просвещение [2]. Кантианское требование рассуждать, но повиноваться, аутентично воплотилось в интеллектуальных стратегиях философского постмодернизма, подвергшего радикальному сомнению новоевропейские идеологемы в теоретическом дискурсе, но реализуемого в границах, утвержденных модернизацией социальных практик [3].

Постмодернистская критика метанарратива и солидаризация общества риска вокруг отмены дистопии, т. е. как с теоретических позиций философской критики, так и в прагматических интересах выживания, взаимно дополнили друг друга в культурной ситуации первой четверти XXI века. В обществах зрелого модерна наступил «кризис будущего»; политическое, как сфера учреждения правил человеческого сообщества, уступило первенство юридическому воспроизводству-утверждению ранее учрежденных правил регламентации жизни [4]. Дефицит позитивных проектов на фоне доминирования негативистского, параноидального образа будущего: пространства не заманчивых перспектив, а угрожающих вызовов, оборачивается дефицитом политического. Позитивная универалистская повестка будущего в контексте осуществленной постмодернистской критики предстает манифестацией произвола приверженцев одних нарративов над приверженцами альтернативных. В свете параноидальной установки борьбы с рисками будущего проекты радикального улучшения мира и человека, в духе наивного Просвещения, представляются

рискованными, не окупающимися и чреватými непредвиденными разрушительными последствиями.

Позитивная повестка будущего, наряду с производством рисков и новых возможностей, имплицитно реализуется технаукой, тогда как политика, подчиненная праву, в комплексе с культурой отмены реализует негативистскую стратегию борьбы с нежелательным будущим. Общезначимый регулятивный образ будущего глобальной цивилизации выстраивается вокруг дискурса прав человека [4; 5]. Но его последовательная реализация оборачивается постмодернистским параличом политики, когда обостряется ситуация с окончательным выбором из противоборствующих сторон, утверждающих свою, аутентичную для ее дискурса, постправду.

При этом фундаменталистские идеологии мобилизации, в контексте их культурно-исторических притязаний, предстают как наивный идеологический ретрофутуризм, игнорирующий интеллектуальный опыт современного человечества, в том числе и постмодернистской мысли. Воинствующие традиционалистские идеологии предстают как до-постмодерные альтер-модернизмы, конструирующие консервативную утопию по К. Манхейму [6]. Модернистскому критицизму, развившемуся в постмодернистский иронический плюрализм, в институционально-политическом измерении глобального мира противостоят не аутентичные традиционные представления, но альтернативные модернизмы, легитимирующие себя отсылками к автохтонности. Последние, даже при очевидной антимодернистской риторике, предлагают ретрофутуристические проекты, поскольку, в соответствии с концепцией консервативной утопии К. Манхейма, воображаемое прошлое становится образцом для желанного будущего. Или же лучшее будущее мыслится как фундаменталистская альтернатива неприемлемой светской модернизации.

Западноевропейский модернизм Просвещения, с утратой позитивной политико-футуристической повестки, казалось бы, уступил инициативу фундаменталистским модернизмам Антипросвещения. Однако общества зрелого модерна обладают потенциалом сопротивления фундаменталистскому ретрофутуризму. Отсутствие единого, тотального проекта будущего за политической системой не означает его отсутствия у индивидов и на уровне групповой солидарности.

Столкновение современной культуры после постмодернизма с утверждающим конкретный образ желанного будущего фундаменталистским утопизмом – не конфликт мировзренчески

укорененных конкурирующих стратегий достижения блага. Это столкновение множества фундаменталистских ретроутопий с негативным, апофатическим утопизмом Второго модерна.

Отсутствие общего позитивного образа желанного будущего компенсируется общностью образов нежелательного будущего. Пост-постмодернистская утопия отрицания не столько преследует постисторический результат, сколько ориентирует и организует исторический процесс. Это утопия успешной борьбы с осуществлением дистопии. Солидарность общей борьбы с угрозами не требует руководствоваться универсальным видением будущего, но допускает сотрудничество, не ради реализации конкретной позитивной возможности, а ради возможности самих возможностей, помимо провозглашаемого к осуществлению идеала.

В культуре после заката метанарраций утопия не отменяется, но диверсифицируется. Ее унифицирующе-монологическая репрезентация допускается в чьей-либо провозглашаемой политической телеологии. Но при осуществлении политико-юридической регуляции процессов метаобщества, в институциональной системе зрелого модерна, такая репрезентация не может реализоваться в качестве принятой к исполнению программы мероприятий. Телеологический плюрализм, оформляющийся вокруг консенсуса по поводу не общности конкретных целей, но общности отвергаемых сценариев, производит исключение, вытеснение и табуирование социокультурных проектов, утверждающих тотальные образы будущего. Продолжение социально-технической модернизации после постмодернизма производит апофатическую футурологию. Предсказания социально-экологических катастроф делаются ради их предотвращения. Социокультурные проекты, претендующие на универсальность, реализуются постольку, поскольку их реализация допускается институциональной системой, исключаящей абсолютистский монополизм.

Продолжая стратегию Просвещения как взросления человечества, постмодернизм осуществляет философскую критику универсального ровно в тех пределах, за которыми исключается сама возможность цинично-иронического обращения со священным, не приемлющим иронии и скепсиса. Постмодернистский скепсис центрирован констатацией невозможности универсального метаязыка. Однако представленный технаукой модерн, как совокупность деятельностно-мировоззренческих интенций, не нуждается в легитимирующем метанарративе, принуждая к

лояльности не убедительностью нарратива, а эффективностью праксиса. В силу чего постмодернистский критико-философский дискурс, лишая модерн самоочевидных легитимаций, предстают как включенный в процесс воспроизводства принципов институциональной организации модерна.

Список литературы

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция. – 2000. – 384 с.
2. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Собр. соч. в восьми томах. – М., 1994. – Т. 8. – С. 29–37.
3. Екадумов, А. И. Диалектика постмодернизма: от деконструкции к постправде / А. И. Екадумов // Философско-методологические исследования. Вып. 3: Стратегия модернизации как приоритет развития транзитивных обществ [Электронный ресурс] / А. И. Зеленков [и др.]; науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск : БГУ, 2020. – С. 75 – 82.
4. Гоше, М. Задачи политической философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/5331>. – Дата доступа: 12.03.2024.
6. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. – М. : Прогресс-Традиция: Территория будущего, 2007. – 464 с.
6. Манхейм, К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 7–276.